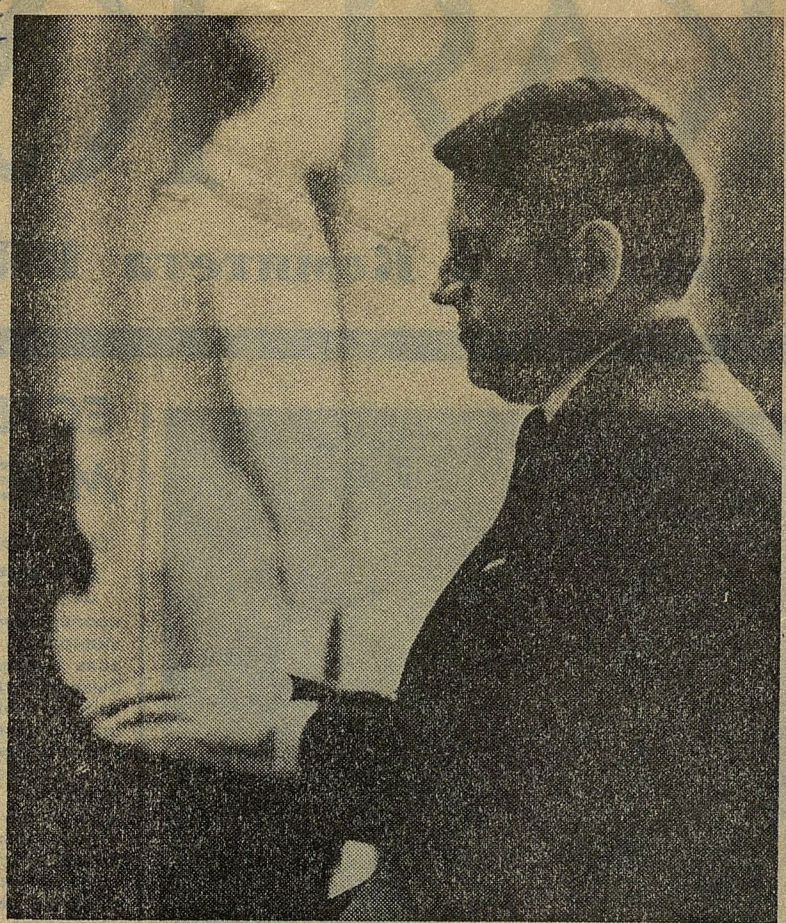
Сов. культура — 1989. — 31 окт. — С. 2



Он написал около семидесяти песен, многие из которых стали популярными, — сегодня их называли бы шлягерами. Но в списках членов Союза композиторов СССР фамилия его никогда не значилась. Он организовал один из первых в стране вокально-инструментальных ансамблей, который долгие годы держал марку высоких профессионалов. Но о создателе его вы не прочтете в музыкальной энциклопедии ни строчки. Он обладал и талантами аранжировщика, пианиста, дирижера, а главное — эстрадного режиссера, что и нынче в большом дефиците. Однако при жизни не удостоился даже творческого вечера.

Горечь, горечь — вечный привкус...

Наконец, когда Государственный центральный концертный зал решил устроить вечер памяти Александра Броневицкого, реакцию друзей и поклонников музыканта можно было выразить словами из его же известной песенки: «Это здорово! Это очень, очень хорошо!» Люди, когда-то работавшие с ним: поэты Соломон Фогельсон, Илья Резник, Леонид Палей, композитор Владислав Успенский, вокальная группа Ленинградского хора и, конечно, исполнительница, чье имя двадцать лет неизменно значилось на афишах рядом с именем художественного руководителя ансамбля «Дружба», Эдита Пьеха — поддержали идею своим участием. Правда, поначалу Пьеха несколько сомневалась: а привлечет ли зрителей программа, целиком составленная из мелодий конца 60-х — начала 70-х годов?

Опасения оказались напрасными. Ни на дневном, ни на вечернем концертах не было ни одного свободного места. И ни одной песни — без охапок цветов. Понятно, что среди публики преобладали не подростки. Но ее реакции могли бы позавидовать интеллигентные рок-«звезды»: почти каждый номер завершался криками «браво!».

Конечно, если бы Броневицкий был жив, он скорее всего избрал бы для своего авторского вечера иную форму — эстрадного спектакля. Ведь «Дружба», хоть и называлась вокально-инструментальным ансамблем, на самом деле была театром песни. И толковые критики всегда отмечали эту художественную особенность коллектива.

Тем не менее трудно сказать, вошла бы «Дружба» в историю советской эстрады, если бы однажды — дело было в 1955 году — не встретились начинающий музыкант А. Броневицкий и приехавшая из Польши на учебу в Ленинградский университет Э. Пьеха, которая стала петь в студенческом хоре. Когда их альянс только складывался, они находились в разных категориях творческого веса. Он — профессионал с консерваторией за плечами, художественный руководитель коллектива. Она — самоучка, одна из девяти солистов этого ВИА. Но ее природная музыкальность, своеобразие тембра, притягательная внешность, а также его упорное стремление сделать из нее «звезду» принесли свои результаты. В 1968 году они официально уже на равных: обоим присуждается звание заслуженных артистов РСФСР. Ну, а дальше... Дальше Пьеха становится признанным эстрадным кумиром..

Безусловно, Броневицкий создал ее как «звезду». Но то, что она — никто без него, как считают некоторые, неправда. Вот что говорит об этом, и весьма откровенно, сама Эдита Станиславовна:

— Я глубоко признательна ему за то, что он подал мне руку и заставил — при моей-то закомплексованности — выйти на сцену. Он всегда заставлял... А я еще с детства была приучена во французской школе к деспотичному методу обучения. И я во всем слушалась Броневицкого.

Да, он сделал меня как певицу, никогда с этим не спорю. Но и я ему помогала. Если я в жизни — человек трезвого ума, то про него сказать так было нельзя. Он жил и работал на стрессах, эмоциях. И в трудные минуты кидался ко мне: что делать? К тому же, как утверждают экстрасенсы, я обладаю сильной энергией, которой питаю окружающих...

Не знаю, вкладывала ли Пьеха что-то личное в строки: «Нет счастья без горя, нет жизни без смерти, нет встреч без разлук», исполняя песню Броневицкого «Это значит — любовь» на вечере, посвященном его памяти, но я уловила в них некий исповедальный оттенок. А может, и домысливаю.

Для своих выступлений она избрала не театрализованную, а концертную форму — более скупую, сдержанную в средствах выражения, и это, по-моему, абсолютно правильно. Потому что в данном случае на первый план вышла Песня. Точнее, восемнадцать разных песен, написанных одним человеком: оптимистичные и печальные, лирические и социальные, медленные и динамичные, романтические и озорные... Но все они были искренними, эмоциональными, убеждали в том, что их автор обладал редким даром мелодиста и блестящего аранжировщика.

Жаль, что на вечере нельзя было убедиться еще в одном даре Броневицкого — умении интерпретировать чужие произведения. Ведь в репертуар ансамбля им включались и русские народные песни, и зарубежные, и сочинения многих советских композиторов: А. Пахмутовой, А. Петрова, М. Фрадкина, А. Флярковского... Но что поделаешь, прошлое невозвратимо. Интерпретатору, правда, доставалось порой за «осовременивание» нашего музыкального наследия, но он продолжал экспериментировать. Парадокс: его обвиняли в слишком смелом обращении с песенной классикой, а сам он чурался всяких авангардных эстрадных веяний, считая, например, что отечественный рок, зарождавшийся тогда, чужероден для нас.

В общем, это очень, очень хорошо, что такой творческий вечер Александра Александровича Броневицкого наконец-то состоялся. Вот только не здорово, что аудитория тех, кто попал на него, оказалась ограниченной стенами концертного зала. Прояви музыкальная редакция ЦТ инициативу, и аудитория эта могла быть в сотни раз больше. Ведь по откликам на передачу «Это было... было...» известно, с какой жаждой слушают зрители подобные, вовсе не забытые мелодии.

Т. МАРТЫНОВА.